

знак личностного эмоционального отношения субъекта к предмету речи и (или) адресату. К этому вопросу мы еще вернемся в главе VI.

Говоря об аффективной интонации, необходимо также подчеркнуть, что она является непременным условием функционирования некоторых специфически аффективных синтаксических конструкций. Как писал Балли, роль интонации в разговорном синтаксисе настолько велика, что некоторые фразы становятся просто непонятными, если их произнести не так, как этого требует мысль¹. Это относится, в частности, к сегментированным предложениям (см. выше, § 74), которые характеризуются специфическим интонационным рисунком².

§ 85. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Этот беглый и далеко не полный обзор возможностей выбора, которые предоставляет говорящему или пишущему французский язык, показывает, что возможности эти значительно шире, чем мы иногда думаем: стилистические ресурсы языка — это отнюдь не только лексическая синонимия. Это и синонимия типовых словосочетаний различного статуса и различной степени сложности — таких, например, как выражения с антонимами и конверсивами, конструкции с глаголами и глагольно-именными сочетаниями, первичные и производные структуры и т. п.; это и вариативность на уровне поверхностного синтаксиса, равно как и морфологические и фонетические варианты.

Но этот обзор показывает и то, что набор потенциальных стилистических значений единиц языка достаточно ограничен, по крайней мере в первом приближении, и что единицы разных уровней, разной степени сложности обладают если не одними и теми же, то, во всяком случае, сопоставимыми стилистическими значениями: и слова, и типовые конструкции, и варианты словоупорядка, и морфологические варианты, и особенности произношения могут быть охарактеризованы хотя бы по двум из трех базовых стилистических измерений: как эмоциональные или неэмоциональные, нормативные или ненормативные, спонтанные или неспонтанные. Это позволяет поставить вопрос о том, как эти первичные, базовые стилистические значения выражаются в языке.

¹ См.: Балли Ш. Французская стилистика.— С. 357; см также: *Bally Ch. Intonation et syntaxe // Cahiers F. de Saussure*, 1942.— I. 1.

² См.: Pinaeva V. Aperçu de l'intonation française.— M.: Ecole supérieure, 1965.— Р. 42, 70-74.

Глава VI

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ В РЕЧИ И В ЯЗЫКЕ

A. Общие свойства эмоциональной речи и эмоциональный синтаксис

§ 86. ЗАДАЧИ ЭТОЙ ГЛАВЫ

В главе III мы установили, что эмоциональная окраска (эмоциональность — неэмоциональность) является одним из трех основных компонентов стилистического значения. Задача этой главы состоит в том, чтобы выявить те языковые единицы (главным образом, синтаксические конструкции и единицы словаря), которые могут рассматриваться как отмеченные печатью эмоциональности на уровне языка, а также такие средства выражения, которые, не обладая соответствующим стилистическим значением в языке, тем не менее типичны для эмоциональной речи, т. е. достаточно часто несут эмоциональность в контексте.

И то, и другое естественно изучать на материале эмоциональной речи. Собственно говоря, описание важнейших закономерностей эмоциональной речи и должно иметь конечным результатом выявление основных единиц эмоционального языка.

Мы начнем с общих закономерностей эмоциональной речи, затем рассмотрим более конкретно аффективный синтаксис и, наконец, коснемся аффективного словаря и аффективных словоупотреблений. Однако прежде всего необходимо подвести под наше рассуждение психологическую базу — определить хотя бы в самой общей форме, что такое эмоции.

§ 87. ОБ ЭМОЦИЯХ

В психологии и нейрофизиологии существуют различные теории и различные определения эмоций. Нам нет необходимости входить в существование споров, которые ведутся на эту тему, достаточно будет кратко резюмировать положения, более или менее устоявшиеся в советской науке.

А. Н. Леонтьев определяет эмоции как психические состояния, выражающие «оценочное личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в них»¹. «Основной исходный момент, опре-

¹ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции.— М.: Изд-во МГУ, 1971.— С. 37.

деляющий природу и функцию эмоций,— писал С. Л. Рубинштейн,— заключается в том, что в эмоциональных процессах устанавливается связь, взаимоотношение между ходом событий, совершающимся в соответствии или вразрез с потребностями индивида, ходом его деятельности, направленной на удовлетворение этих потребностей,— с одной стороны, и течением внутренних органических процессов, захватывающих основные витальные функции, от которых зависит жизнь организма в целом,— с другой; в результате индивид «настраивается» для соответствующего действия или противодействия¹. И дальше: «Выступая в качестве проявления потребности, в качестве конкретной психической формы ее существования, эмоция выражает активную сторону потребности»².

Таким образом, эмоция является сложным процессом: с одной стороны, она выступает как «конкретная психическая форма существования потребности»; с другой стороны, она механизм оценки ситуации с точки зрения потребностей индивида, т. е. механизм оценки себя, мира и себя в мире³; с третьей стороны, эмоция — механизм перенастройки организма, подготовки его к необходимому действию; и, наконец, эмоция — стимул к действию.

«Любое практическое отношение человека имеет свое начало в возникающем в нем самом несоответствии того, чем он должен быть, и чем он является в данный момент. Это несоответствие всегда вызывает возникновение эмоций и чувств. С этого момента и начинается деятельность личности»⁴.

Из всего сказанного здесь мы уже сейчас можем сделать важный психолингвистический вывод: если любая деятельность личности стимулируется потребностями, переживаемыми как эмоции, то, очевидно, речевая деятельность не составляет исключения, тем более, что «речь — это обычно не замкнутый акт деятельности, а лишь совокупность речевых действий, имеющих собственную промежуточную цель, подчиненную цели деятельности как таковой»⁵. Иными словами, всякая речь, даже сугубо интеллектуальная, должна протекать на определенном эмоциональном фоне, сопровождаться и поддерживаться эмоцией до тех пор, пока действие не завершено, цель не достигнута. К этой мысли мы еще вернемся.

Как в психологии, так и в нейрофизиологии эмоции обычно делят на положительные и отрицательные. Отрицательные сигнализируют о рассогласовании потребностей личности и объ-

ективного положения вещей, о конфликте между «мечтой и действительностью», прогнозом и его осуществлением, субъективной целью деятельности и ее объективным результатом, вообще между субъективным и объективным. Отрицательная эмоция — это, как часто выражаются психологи, кнут, который подстегивает нашу активность. В таком случае положительная эмоция — пряник, биологическое подкрепление, награда за достижение цели, установление равновесия между субъективным и объективным. В то же время надежда на положительную эмоцию сама служит стимулом к действию.

Однако это деление вполне приложимо, видимо, только к так называемым низшим эмоциям, присущим как человеку, так и животным,— таким, как страх, ярость, тревога, удовольствие, вызываемое удовлетворением чисто физиологических потребностей, и т. п. Высшим эмоциям (благодарность, сострадание, заинтересованность и т. д.) такая однозначность не свойственна. Кроме того, мы вообще далеко не всегда можем определить характер нашей эмоции. С этой точки зрения несомненный интерес представляет теория «трех координат эмоции», о которой упоминает А. А. Леонтьев в книге «Психология общения»: «опознание эмоций может быть представлено как оперирование с тремя шкалами: приятно — неприятно, внимание — отталкивание и спокойствие — напряжение»¹.

Для нас этот тезис имеет непосредственный интерес, поскольку он обосновывает, с одной стороны, такие компоненты стилистического значения, как положительную и отрицательную эмоциональную окраску, а с другой — общую, так сказать, недифференцированную эмоциональность (см. выше, § 39).

§ 88. ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РЕЧИ

Итак, всякая речь стимулируется и сопровождается эмоцией, всякая речь по природе своей эмоциональна. Но можно ли в таком случае противопоставлять эмоциональную и неэмоциональную речь, вообще говорить о неэмоциональной речи? Можно, потому что, стимулируя и окрашивая деятельность, реализующуюся в речи, и сам процесс порождения последней, эмоция не обязательно отражается в сообщении, которое является результатом этого процесса; субъект может не допустить эмоцию в сообщение, «отфильтровать» ее. Это возможно, в первую очередь, в письменной, неспонтанной речи и характерно для тех речевых жанров, которые реализуются преимущественно в письменной форме. Вообще эмоциональная речь первична, а неэмоциональная вторична². Од-

¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии.— М.: Учпедгиз, 1946.— 2-е изд.— С. 459.

² Там же.— С. 460.

³ Кроме указанных выше работ, см.: Макаренко Ю. А. Мудрость чувства.— М.: Сов. Россия, 1970.— С. 64—66, 92.

⁴ Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности.— М.: Наука, 1971.— С. 105.

⁵ Основы теории речевой деятельности.— С. 25.

¹ Леонтьев А. А. Психология общения, с. 208, со ссылкой на Schlosberg H. Three dimensions of emotion // Psychologic Review.—1954.— Vol. 61.— P. 80-88.

² На этом, в частности, настаивал Шарль Балли (см.: Французская стилистика.— § 6—7, 11, 132, а также: *Bally Ch. Le langage et la vie*).

нако, поскольку язык как надличностная система фиксирует в первую очередь инварианты личностно окрашенных сообщений и превращает в абстрактные знаки то, что изначально было мотивировано и эмоционально¹, с точки зрения языка, именно эмоциональная речь является маркированной, а неэмоциональная — немаркированной, обычной.

Итак, эмоциональной речью мы будем называть речь, которая выражает не только мысль, но и чувство адресата, несет не только рациональное, но и аффективное содержание, непосредственно и эмоционально воспринимаемое получателем. Это значит, что, пытаясь сформулировать «всеми словами» содержание услышанного или прочитанного нами эмоционального высказывания, т. е. исчерпывающе и эксплицитно истолковать его смысл, мы должны ввести в наше истолкование компонент 'я взволнован' (удивлен, обрадован, рассержен, разочарован и т. д.), отражающий эмоцию адресата,— иначе истолкование будет неполным.

Некоторые исследователи склонны относить такого рода высказывания к особой категории речевых актов — экспрессивам², приписывать им особую иллокуттивную функцию (см. выше, § 5) — «выражение»³. Видимо, по иллокуттивной функции все эмоциональные высказывания можно разделить на два класса:

1. Высказывания, реализующие такие речевые акты, которые имеют основной, если не единственной целью выражение эмоции по поводу какого-то события или сообщения. Их содержание можно представить обобщенной формулой: 'Я очень взволнован, что Р', где Р — факт, вызывающий эмоцию говорящего — уже известен адресату. Такие высказывания чаще всего реализуют аффективную реакцию на событие или сообщение о нем. Мы назовем такой тип высказываний *эмоциональным самовыражением*. Этот тип речи мы будем называть также *аффективной речью* (в психологию аффектом называют особо сильную, как правило, кратковременную эмоцию).

2. Высказывания, в которых иллокуттивная функция выражения соединяется с какой-то другой, например репрезентативной (информация о факте) или директивной (побуждение к действию), т. е. где выражение эмоции не является самоцелью, а лишь сопровождает передачу информации иного рода. Содержание таких высказываний описывается уже другой формулой 'Р и я взволнован этим'. Этот тип мы назовем *эмоциональной коммуникацией*. Примеры высказываний того и другого рода будут приведены ниже.

Очевидно, что эмоциональное самовыражение дает более яв-

¹ Ср.: Вольф Е. М. Цит. соч.— С. 40.

² Эта идея подробно обсуждается в книге: Вольф Е. М. Цит. соч.— С. 165—168. Очевидно, что термин *экспрессив* не соответствует нашему пониманию экспрессии и экспрессивности (см. выше, § 45).

³ Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью.— М.: Наука, 1985.— С. 27.

ные и типичные образцы эмоциональной речи, чем эмоциональная коммуникация. При эмоциональном самовыражении речь является фактически замещающим действием. «Замещающее действие — такое действие, которое разряжает напряжение, созданное какой-нибудь потребностью, но не приводит к той цели, на которую направлено подлинное действие»¹.

В речи, предпринятой не для того, чтобы сообщить адресату какую-то предметно-логическую информацию, а чтобы «излить душу», коммуникативная функция задвинута на задний план, в результате такого рода речь стороннему наблюдателю часто представляется избыточной, не несущей никакой новой информации, или просто бессмысленной. Вообще можно, по-видимому, утверждать, что *чем речь эмоциональнее, тем более зыбким и неопределенным является ее предметно-логическое содержание*. И наоборот: стремление передать денотативное содержание со всей возможной точностью и полнотой, как правило, снимает эмоции — так бывает, в частности, в научном и административном стиле (см. выше, § 13; там же примеры).

§ 89. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

Сказанное в предыдущем параграфе можно проиллюстрировать классическим примером, использованным еще Балли. Пример этот послужит нам, кроме того, материалом для некоторых уже собственно лингвистических наблюдений и выводов. «Предположим,— пишет Балли,— что кто-то, встретив своего знакомого там, где меньше всего ожидал, выражает свое удивление этой встречей». И дальше предлагается несколько вариантов высказывания, соответствующих «ряду актов восприятия с постепенным возрастанием эмоций»²:

1. Je suis étonné de vous rencontrer ici.
2. Tiens! Vous êtes ici?
3. Comment! Vous ici?
4. Vous!
5. Oh!

Каждый последующий вариант отличается от предыдущего большей смысловой неполнотой и неопределенностью в плане денотативного содержания, которой, начиная с варианта 3, соответствует структурная неполнота в плане выражения: «*une émotion intense détruit l'expression grammaticale*»³. Следствием этого является то, что мы можем судить о происходящем только по первым трем вариантам,— последние два вне ситуации не могут быть истолкованы; вариант 5 вообще лишен предметно-логического содержания и представляет собой, по выражению Балли, «чистое восклицание».

¹ Шингаров Г. Х. Цит. соч.— С. 143.

² Балли Ш. Французская стилистика.— С. 24.

³ Sechehaye A. Essais sur la structure logique de la phrase.— Р., 1926.— Р. 133.

Наиболее «ясным» является, очевидно, первый вариант, где все сказано «открытым текстом»; но — читатель, несомненно, почувствовал это — он же представляется наименее естественным. Причина этого ясна: фраза, выражающая живую эмоцию, в повседневной речевой практике сравнительно редко строится таким образом, чтобы все понятия и логические отношения между ними были эксплицитно выражены, в особенности если высказывание связывает два или более предиката (в данном случае одним из таких предикатов выступает встреча, а вторым — удивление по поводу встречи).

Характерно, что в приведенном примере одной из первых жертв эмоции оказывается слово, непосредственно ее называющее. Это проявление общей закономерности: эмоция, названная прямым словом, есть эмоция осознанная, а не непосредственно переживаемая; становясь предметом мысли, она подпадает под контроль сознания и, как правило, теряет в интенсивности. *Живая и интенсивная эмоция выражается большей частью косвенно.*

Из косвенных средств выражения эмоции, помимо междометий (вариант 2 и 5), здесь представлены два, причем неразрывно связанные: интонация и синтаксическая неполнота, эллипсис.

Вообще интонацию следует рассматривать как важнейшее средство эмоциональной речи: «значение интонации возрастает, а сама она становится более выразительной с увеличением доли аффективных элементов в высказывании мысли; из этого можно логически заключить, что особенно сильная или особенно характерная интонация является признаком преобладания аффективного начала в самой мысли»¹.

Но если аффективная интонация способна придать эмоциональность практически любой фразе, т. е. обладает определенной автономностью, то типично эмоциональные синтаксические конструкции, а также эмоционально нагруженная лексика, обязательно требуют соответствующей интонации.

«Экспрессивная [мы бы сказали «эмоциональная] лексика и синтаксис не реализуются в речи вне особой эмотивной интонации»². В самом деле, если вариант 1 в приведенном примере самодостаточен, то все последующие обязательно подразумевают определенный интонационный рисунок, который мы приписываем им даже читая текст про себя (см. выше, § 84). Восполняя структурную неполноту эллиптических конструкций, интонация в то же время выражает субъективную модальность фразы, которая в неэмоциональной речи (например, в рассказе о другом лице или о себе в прошлом) выражается лексически (*J'étais étonné de...*). Напомним, что эмоциональный син-

таксис сам по себе характера эмоции не выражает (см. выше, § 39), — в аффективной речи, таким образом, эта задача в значительной мере ложится на интонацию.

Однако, как уже было отмечено в § 84, эмоциональная интонация изучена мало. Естественно, что брать на себя эту задачу мы не можем. Некоторые сведения об эмоциональной интонации читатель найдет в работах по фонетике, указанных в § 84.

§ 90. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС. ЭЛЛИПСИС И ЛОЖНЫЙ ВОПРОС

Продолжим разбор примера Балли. Выше уже было отмечено, что варианты 3 и 4 отличаются структурной неполнотой и что такая неполнота (эллипсис) вообще может рассматриваться как косвенное средство выражения эмоций. К указанному следует добавить, что проявляется она в первую очередь в выпадении строевых элементов конструкций (вариант 3), но может затронуть и лексически полнозначные элементы (вариант 4). Следует только учесть, что эллипсис может рассматриваться как явление эмоционального синтаксиса лишь в том случае, когда не представленный во фразе элемент не содержится в ближайшем контексте и, следовательно, не является избыточным. Ясно, например, что формально эллиптическая конструкция в ответной реплике диалога (*Vous partez quand?* — *Ce soir.*) вовсе не обязательно дает эмоциональную фразу.

Конкретизируя сказанное в предыдущем параграфе о роли интонации в эмоциональной речи, мы должны отметить, что в вариантах 2 и 3 эмотивная интонация представлена как интонация вопросительная (или, по крайней мере, фиксируется как вопросительная на письме). В данной ситуации, когда субъект видит адресата собственными глазами, спрашивать последнего, здесь ли он, по меньшей мере странно. Очевидно, что высказывания, подобные вариантам 2 и 3, и не являются вопросами в собственном смысле этого слова — субъект не преследует цель получить новую информацию; «вещественную» или модальную (см. выше, § 73). Такие высказывания выполняют экспрессивную функцию и представляют собой, по терминологии Балли, *ложные вопросы* (*fauuses interrogations*).

По этому поводу Балли писал следующее: «Если вопрос не имеет собственно вопросительного характера, его называют «риторическим вопросом» — термин абсолютно бессмысленный, но очень характерный для старой школы, которая стремилась свести всю аффективную сторону языка к литературным и риторическим приемам. На самом же деле риторический вопрос — это вовсе не вопрос, и он не имеет никакого отношения к риторике; это просто косвенное экспрессивное средство, которое символизирует более или менее определенную группу чувств, пользуясь для этой цели выразительностью голоса. Так называемое вопросительное предложение *Que n'étez-vous là?* «Ну,

¹ Балли Ш. Французская стилистика.— С. 315.

² Шигаревская Н. А. О характере взаимодействия лингвистических средств выражения субъективной модальности // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи.— Горький: Изд-во Горьковского гос. пед. ин-та иностр. яз. им. Н. А. Добролюбова, 1973.— С. 148.

почему вас там не было?» выражает сожаление, а *Vous taisez-vous à la fin?* «Замолчите вы наконец?» — нетерпение и т. д. и т. п.¹.

Балли, безусловно, прав, протестуя против термина «риторический вопрос»: мать, которая кричит из окна сыну: «Эдик, немедленно домой, я кому сказала!», может быть, никогда в жизни не слыхала о риторике и, однако же, постоянно употребляет такого рода построение. Но Балли неправ, безоговорочно утверждая, что ложный вопрос «символизирует чувства», и полностью отрывая его от подлинно вопросительных предложений. Ведь даже на чисто формальном уровне ложный вопрос характеризуется (не всегда, но достаточно часто) не только «квазивопросительной» интонацией, но и другими признаками вопросительного предложения — инверсией, вопросительными словами. Что же касается семантики ложных вопросов, то и она не может быть понята без учета основного значения вопросительной конструкции².

По функции ложные вопросы можно, по-видимому, разделить на две большие группы в соответствии с предложенным выше делением эмоциональных высказываний:

1) Ложные вопросы, которые обращены к кому-то (хотя и не требуют ответа), призваны оказать какое-то воздействие на адресата — эмоциональная коммуникация:

Est-ce que tu t'imagines que je ne sais pas tout?
(*Butor*)

Une chose pareille! Voyons! sérieusement y songez-vous?
(*Bally*)

Hier, pour l'anniversaire de ta fille, n'étiez-vous pas sur le point de tout vous pardonner, de tout oublier? (*Butor*)

Mais ça a été tout bien, dit Pierre; une petite ombre de cinq minutes, qu'est-ce que c'est auprès de cette grande nuit? (*Beauvoir*)

Если преобразовать эти фразы таким образом, чтобы выразить то же содержание, не прибегая к вопросительной форме, получится примерно следующее:

Si tu t'imagines que je ne sais pas tout, tu te trompes.

Vous ne pouvez songer sérieusement à une chose pareille.

Tu dois reconnaître que hier... vous étiez sur le point de tout vous pardonner, de tout oublier.

¹ Балли Ш. Французская стилистика.— С. 308.

² Вообще, по-видимому, любое вопросительное предложение может рассматриваться как более эмоциональное, чем повествовательное. См. об этом: Смыслое восприятие речевого сообщения.— М.: Наука, 1976.— Разд. IV.— § 1, где приводится, в частности, следующее высказывание из неопубликованной рукописи известного советского психолога С. И. Бернштейна: «С другой стороны, неведение, требующее разрешения, представляет собой специфическое эмоциональное состояние, и потому вопросительная фраза сближается с эмоциональной» (с. 231).

Reconnaissez qu'une petite ombre de cinq minutes n'est rien auprès de cette grande nuit.

Разница между вопросительными и повествовательными вариантами заключается в том, что первые побуждают адресата самого прийти к выводу, который формулируют вторые, и при этом содержат некоторую эмоциональную добавку, которая с трудом поддается словесному выражению (так, к интерпретации последнего примера можно было бы добавить:... et je suis surpris que vous y attachiez de l'importance)¹. Ложные вопросы часто употребляются как смягченные побудительные высказывания (*Voulez-vous me suivre? Ne pourriez-vous pas me prêter votre dictionnaire?*). В таком употреблении они практически лишены эмоциональной добавки и характеризуются лишь подчеркнутой вежливостью.

2) Ложные вопросы, выполняющие только экспрессивную функцию, т. е. не преследующие цель оказать какое-то воздействие на адресата (кроме чисто эмоционального) — эмоциональное самовыражение:

Tiens! Vous êtes ici?

Comment! Vous ici?

*Que faisiez-vous alors? Pourquoi, sans Hippolyte,
Des héros de la Grèce assembla-t-il l'élite?* (*Racine*)
*Que ne pouvait-elle s'accouder sur le
balcon des chalets suisses!* (*Flaubert*)

Преобразуя высказывание так, как это было сделано с предыдущей серией примеров, мы получаем:

Vous êtes ici? = Je suis étonné que vous soyez ici.

Que ne pouvait-elle s'accouder... = Elle regrettait de ne pouvoir s'accouder...

Очевидно, так же можно проинтерпретировать и фразу Расина. Иначе говоря, если в первом случае вопрос хотя бы формально обращен к собеседнику, то здесь он задается самому себе или «в воздух», даже если собеседник имеется в наличии.

Возможны и переходные случаи:

Tu ne pouvais pas me le dire? (*Cabanis*)

Вопрос как будто обращен к собеседнику, но реального воздействия на него не предполагает:

Tu ne pouvais pas me le dire? = Je te reproche de ne pas me l'avoir dit.

Характерно, что, превращая эти ложные вопросы в повествовательные предложения, мы не смогли опустить эмоциональный ком-

¹ Ср.: Арнольд И. В. Цит. соч.— С. 167.

понент их смысла, как это было сделано с фразами предыдущей серии. Это объясняется тем, что здесь он является ведущим и подчинает себе «пропозицию», т. е. ту часть содержания, которая сообщает о факте, вызывающем эмоцию.

§ 91. ЭМОТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫМИ СЛОВАМИ

В этом параграфе речь пойдет о предложениях, вводимых так называемыми восклицательными словами — *quel*, *que*, *combien*, *comme*, *ce que*, *qu'est-ce que!*.

1. Восклицательные конструкции с *quel* строятся только по одной модели: *quel* + N:

Quel pays! Quelle femme! Quel idiot!

2. *Que* как восклицательное слово используется в двух различных дистрибуциях: а) *que* + de N и б) *que* + Ph (phrase):

Que de monde! Que de bêtises j'ai entendues là!

Qu'il est doux de ne rien faire quand tout s'agit autour de vous! (название радиопередачи)

Je me dis: «Qu'elle est belle! et bizarrement fraîche!» (Baudelaire)

Ah! qu'on s'amuse ici! (шуточная песня)

3. *Combien* как восклицательное слово употребляется в модели *combien* + Ph, где глагол фразы чаще всего выражает чувство:

Combien je souffre! Combien il a changé!

4. *Comme* употребляется так же, как *combien* и *que* (б), но без лексических ограничений:

Comme c'est cher! Comme vous dansez bien!

5. *Ce que* употребляется как *comme*, *combien* и *que* (б), но, в отличие от предыдущих, является стилистически несколько сниженным. В настоящее время очень широко распространено в разговорной речи.

Ce qu'elle me dégoûte! (Ch. Rochefort)

Ce qu'il est bon, ton café!

Предложения с *ce que* часто принимают различные интенсификаторы:

Ce qu'elle peut être méchante!

Ce que tu peux m'enrouler avec tes questions!

C'est fou ce qu'il y a types qui te ressemblent, de loin! (Sartre)

¹ Эти модели предложений детально рассмотрены в книге Н. А. Шигаревской «Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи» (гл. IV). Наше изложение в значительной мере опирается на это исследование. Оттуда же заимствована часть примеров.

6. *Qu'est-ce que* вводит почти исключительно фразы с переходным глаголом:

Qu'est-ce qu'il va prendre quand il sortira de prison? (радио)

Qu'est-ce que j'ai entendu comme noms d'oiseaux! (Aragon) (≈ Чего она мне только не наговорила! И такой я, и сякой...)

Mais à Singermindépré¹, qu'est-ce qu'il se sucrait! (Queneau) (≈ А вот на Сенжермендепре — там бы он как сыр в масле катался!)

Может показаться, что перечисленные модели нарушают принцип, сформулированный в § 89: в них эмоция как будто не размывает предметно-логическое содержание и не разрушает синтаксическую структуру фразы — из фразы ничего не выпадает, наоборот, добавляется восклицательное слово. Однако это впечатление обманчиво, поскольку полными неэмоциональными эквивалентами таких предложений надо считать предложения, в которых эмоция названа прямым словом. То есть фразу *Ce qu'il est bon, ton café!* надо сопоставлять не с *Ton café est bon*, а с *Ton café est très bon et j'en suis ravi*.

В тех же случаях, когда фраза уже содержит слово, обозначающее эмоцию, восклицательное слово как бы дублирует его: *Ce que tu peux m'enrouler avec tes questions* значит *Tu m'enroules beaucoup avec tes questions*, *je ne peux pas les supporter*.

Ясно, что наши толкования эмотивных фраз являются приближенными, условными, так как живая эмоция, выраженная косвенными средствами, плохо поддается эксплицитному словесному выражению. Выше, в § 59, мы уже приводили мнение физиолога на этот счет: человек не может «существовать эффективную эмоциональную информацию и сообщить другим индивидуальные нюансы ощущений ... посредством протокольно точного словесного сообщения». В этом и заключается психологическая причина того, что эмоциональная речь избегает называть эмоции, предпочитая выражать их косвенными средствами².

§ 92. ПОВТОР КАК СВОЙСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

Возьмем еще один пример — сокращенный (за счет авторской речи) отрывок из «Zazi dans le métro» Р. Кено. Героя романа, девяты- или десятилетняя Зази, поймана с поличным: она пыталась стащить у некоего человека (достаточно темной личности) пакет с джинсами, купленными, впрочем, для нее же (видимо, небескорыстно).

«Tu n'as pas honte, petite voleuse, pendant que j'avais le dos tourné. Ah! les jeunes d'aujourd'hui, regardez-moi

¹ Singermindépré — Saint-Germain-des-Prés, парижский бульвар.

² Косвенными — с точки зрения лингвиста, потому что, с точки зрения психолога, они являются скорее прямыми.

ce qu'elle avait voulu me faucher! Une paire de blues-jeans, une paire de blues-jeans qu'elle a voulu me faucher, la mouflette.

— Si c'est pas malheureux, commente une ménagère.

— De la mauvaise graine, dit une autre.

— Saloperie, dit une troisième, on lui a donc jamais appris à cette petite que la propriété, c'était sacré?

— Hein, continuait le type, et si je t'emmènais au commissariat? Hein? Au commissariat de police? Tu irais en prison. En prison. Et tu passerais devant le tribunal pour mineurs. Avec la maison de redressement comme conclusion. Car tu serais condamnée. Condamnée au maximum.

Отметим прежде всего относительно важную роль, которую играют в этом отрывке ложные вопросы (читатель легко найдет их сам). Впрочем, один из них выступает, так сказать, замаскированно, без вопросительного знака. Это реплика первой женщины — *Sic c'est pas malheureux* — своего рода восклицательный фразеологизм вопросительного происхождения.

Но главное, что должен проиллюстрировать пример, — это роль повтора в эмоциональной речи. Балли объясняет это явление эмоциональными импульсами, которые отражает речь: «эти импульсы проявляются в том, что мысль повторяется соответствующее число раз: сколько импульсов, столько и повторений. Так, например, возмущенный отказ может быть выражен в такой форме: Ah ça, pop, par exemple, jamais! — «Что? Ну, уж нет, извините, никогда!» — что соответствует, по сути дела, четырем «*pop*» «нет». А ведь приведенную фразу можно было бы еще удлинить»¹.

К этому объяснению можно добавить, что, ощущая неадекватность слова его индивидуальному чувству, говорящий пытается, так сказать, восполнить качество количеством. Таким образом, и повтор как важная характеристика эмоциональной речи объясняется все тем же «принципом воронки» (см. выше, § 59).

Помимо ложных вопросов и многочисленных повторов, в приведенном отрывке следует отметить несколько случаев эллипсиса и расчленения предложения. Об этом будет сказано ниже.

§ 93. ЕЩЕ О ВЫРАЖЕНИИ И ВОЗДЕЙСТВИИ

Сформулированный в § 88 принцип, согласно которому, чем речь эмоциональнее, тем более зыбким и неопределенным является ее предметно-логическое содержание, может показаться уязвимым, противоречащим нашему опыту: если эмоция стремится разрушить предметно-логическое содержание, почему же тогда

эмоциональный урок лучше, чем неэмоциональный? Ведь основная цель урока как раз и состоит в том, чтобы передать некоторое предметно-логическое содержание!

Во-первых, такая формулировка цели урока является неполной и неточной: дело не только и часто не столько в том, чтобы сообщить ученикам какую-то информацию, сколько в том, чтобы привить им определенную систему научного мышления (не говоря уже об уроках литературы, где чисто эмоциональное воздействие имеет не меньшее значение, чем даты и обстоятельства жизни писателя).

Но главное даже не в этом. Главное в степени интенсивности и в направленности эмоции. И здесь мы возвращаемся к уже введенному выше разграничению между *выражением* и *воздействием*, между речью, выполняющей преимущественно экспрессивную функцию, и той, которая сочетает в себе экспрессивную и коммуникативную, причем коммуникативная преобладает (см. выше, § 88).

Возьмем еще один пример из книги Балли — пример, который интересен тем, что представляет собой как бы уменьшенную модель урока в двух вариантах — неэмоциональном и эмоциональном (правда, сам Балли его так не толкует и вообще приводит по несколько иному поводу). Неэмоциональный «урок» представлен классическим силлогизмом: *Les hommes sont mortels; or, Paul est un homme; donc Paul est mortel*. Силлогизм, по определению, — чисто логическая форма выражения мысли. Эмоциональный «урок», т. е. выражение той же мысли с эмоциональным аккомпанементом, будет выглядеть так: *Les hommes sont mortels, n'est-ce pas? Bon! Mais Paul n'est-il pas un homme? Oui! Eh bien! alors il doit être mortel!*¹

Прежде всего обратим внимание на чисто количественную закономерность: второй вариант почти вдвое длиннее. Иначе говоря, информативная емкость речи (с точки зрения предметно-логического содержания) здесь почти вдвое меньше, чем в первом. Таким образом, исходный принцип остается в силе: эмоция если не разрушает, то «разбавляет» интеллектуальное содержание, что способствует его усвоению.

Однако самое важное здесь в другом: второй вариант не преподносит готовую последовательность аргументов и выводов, а вовлекает адресата в рассуждение, стимулирует его мыслительную активность. Говорящий последовательно ставит перед слушателем задачи и отмечает этапы рассуждения, то, что уже достигнуто (*bon! oui!*), как бы добиваясь от слушателя согласия, которое он сам же и формулирует. Тем самым он создает или пытается создать у слушателя непосредственный стимул к совместному поиску и обеспечить обратную связь, взаимодействие².

¹ Балли. Ш. Французская стилистика.— С. 124. О повторе как свойстве эмоциональной речи см. также: Рейферовская Е. А., Васильева А. К. Цит. соч.— Ч. II.— С. 31.

² Ср.: Смысловое восприятие речевого сообщения, с. 67—69. В этой работе указанные явления рассматриваются как присущие ораторской речи; с

Однако добиться успеха можно только в том случае, если сам субъект как бы заново переживает перипетии поиска, сам воспринимает свою мысль и свою речь эмоционально. Но его эмоция здесь иного свойства — не внешняя по отношению к речевому акту, вызванная какой-то посторонней причиной, а непосредственно связанная с деятельностью, осуществляющейся в речи,— эмоция совместного поиска истины. Такая эмоция — безусловно, высшая, социальная — по-видимому, не может быть однозначно определена как положительная или отрицательная.

В отличие от чисто субъективной эмоции, которая стремится только или преимущественно к самовыражению, без оглядки на адресата, эмоция воздействия, обращенная к адресату, не разрушает предметно-логическое содержание речи, а наоборот, способствует его усвоению адресатом. Конечно, это противопоставление не следует абсолютизировать: ведь сама задача речевого акта может заключаться не в том, чтобы донести до адресата какую-то информацию, а в том, чтобы внушить ему определенное чувство (порой даже вопреки логике и истине). Но и ориентированная на преимущественно эмоциональное воздействие речь все же не может строиться как последовательность бессвязных аффективных возгласов. Эмоция, которую надо внушить адресату, нуждается в поддержке логики, хотя бы и не безупречной.

Вообще «чистое» эмоциональное самовыражение — вещь сравнительно нечастая. Даже сугубо личная эмоция ищет слушателя. Человек, испытывающий эмоциональное потрясение — горе или радость, все равно, — ищет того, кто мог бы его разделить. Следовательно, и здесь перед ним стоит коммуникативная задача — передать свою эмоцию слушателю. Чисто эмоциональное самовыражение реализуется в форме так называемой **аутостичной** речи — речи для себя, которая может совершаться и в отсутствие собеседника или может быть обращена к «квази-собеседнику» — собаке, кошке, лошади и т. п.

§ 94. ЕЩЕ ОДНОМ СВОЙСТВЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

То, что характеризует эмоциональную речь, призванную воздействовать на адресата,— членение на отдельные этапы, апелляция к слушателю в форме подлинных или ложных вопросов — обнаруживается не только на уровне целого высказывания, состоящего из нескольких предложений, но и на уровне отдельного предложения. Мы имеем в виду подчеркивание коммуникативной структуры предложения синтаксическими и (или) интонационными средствами — в первую очередь, так называемую сегментацию предложения (см. выше, § 74).

Связь между сверхфразовыми средствами эмоциональной коммуникации и сегментированным предложением прослеживается

нашей же точки зрения, сфера их применения значительно шире: не только ораторская речь, но вообще всякая эмоциональная коммуникация, имеющая целью донести до адресата определенное предметно-логическое содержание.

достаточно легко. В своей книге, которую мы уже неоднократно цитировали, в главе о сегментированном предложении Е. А. Реферовская и А. К. Васильева приводят такие примеры, их использования:

Esparros? Vous allez dans un pays perdu, Monsieur... (*Humanité*).

A part les héritiers de grands bourgeois... la situation de la majorité des étudiants est précaire et incertaine... Les bourses? Trop rares et trop faibles. Les logements? Insuffisants dans les résidences universitaires, ruineux pour ceux que leur famille ne peut pas héberger... Les livres? Inabordables. Les bibliothèques? Tragiquement encombrées. Les amphithéâtres et les salles? Surpeuplés et trop souvent inadaptés. (*Humanité*).

К примерам дается следующее пояснение: «on exprime le thème de l'énoncé dans une phrase à part pour mieux solliciter l'intérêt du destinataire, pour forcer et diriger son attention. On atteint le mieux l'objectif visé en employant un monorhème interrogatif, incitatif de par sa nature, ou bien un monorhème exclamatif. Ce qu'on émet ensuite à propos de ce thème, mis ainsi en vedette, acquiert une importance particulière et produit une impression plus forte»¹.

Как видим, это толкование вполне согласуется с тем, что было сказано в предыдущем параграфе о средствах эмоциональной коммуникации. С другой стороны, близость между высказываниями типа *Les bourses?* *Trop rares et trop faibles* и сегментированными предложениями очевидна: *Les livres? Inabordables = Les livres, ils sont inabordables*.

Эта близость проявляется и в интонационном рисунке сегментированных и вообще интонационно двучленных фраз, характеризующихся так называемым объективным порядком следования компонентов коммуникативной структуры (тема — рема): интонация первой, восходящей части (темы) сходна с интонацией обще-верификативного вопросительного предложения — и там, и здесь мелодический рисунок характеризуется подъемом голоса на последнем слоге². «Повышение голоса в AZ (так Балли обозначает сегментированные фразы указанного типа) объясняется, как мы уже видели, тем, что тема является как бы вопросом, ответом на который служит повод»³.

Таким образом, предложения типа *Un vétérinaire, ça doit soigner les chats et chiens de n'importe qui; Mais ça, on le saura demain; Les gens d'ici, je les connais par cœur; Ce qui*

¹ Реферовская Е. А., Васильева А. К. Цит. соч.— Ч. II.— с. 79.

² См., например: Щерба Л. В. Фонетика французского языка.— М., 1955.— 5-е изд.— С. 127, 130; Гордина М. В. Цит. соч.— С. 180—181, 187—188.

³ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка, с. 83; «повод» — неудачный перевод французского *propos* — термина, которым Балли обозначал рему.

me plaît, en elle, c'est sa franchise (см. § 74) фактически представляют собой свернутые вопросо-ответные диалогические единства, где говорящий задает вопрос и сам же на него отвечает.

Очевидно, что такой же характер имеют фразы, где тема не подхвачена местоимением внутри глагольной части, а выделена только интонационно¹:

Sur Soraya ou Paola, vous racontez ce que vous voulez,
tout le monde s'en fout. Sur Blanche Lemoine, je veux
du vécu, du vrai vécu, de l'indiscutable. (*Monod*)²

Итак, подчеркивание коммуникативной структуры предложения синтаксическими или только интонационными средствами — первый показатель эмоционального отношения говорящего к собственному сообщению³. Об этом свидетельствует и тот факт, что интонационное подчеркивание коммуникативной структуры — непременное условие выразительного чтения. Интонируя читаемый текст в соответствии с его логической структурой, мы как бы делаем его своим, вкладываем себя в текст или проводим текст через себя, берем на себя хотя бы часть ответственности за то, что в нем говорится (отказ принять ответственность, отчуждение чтеца от текста тоже выражается интонационно, но иначе). Это тем более верно, что интонационное выражение коммуникативной структуры чужих фраз всегда или почти всегда предполагает и собственное толкование текста, поскольку в письменном тексте коммуникативная структура задана не однозначно.

Связь между коммуникативной структурой, которую называют также логико-грамматической, и эмоциональностью может показаться странной: ведь логика как будто противостоит эмоции!

Мы видели, однако, что эта противоположность не абсолютна: в речи эмоция может быть функционально подчинена задаче донести до адресата некоторое предметно-логическое содержание. Только интонационное подчеркивание коммуникативной структуры, естественно, не наносит ущерба ни предметно-логическому содержанию, ни грамматической структуре фразы; однако оно замедляет речь (чтение), так что за единицу времени субъект передает меньше информации, чем если бы он говорил или читал «без выражения». Синтаксическое расчленение (т. е. репризы и выделительные обороты) еще уменьшает информационную емкость речи, так начинается «разбавление» пред-

¹ Баллы и такие фразы относили к сегментированным, не связывая явление сегментации предложения с обязательным местоименным подхватом. Такой же точкой зрения придерживалась Е. А. Реферовская и А. К. Васильева.

² Пример Е. А. Реферовской и А. К. Васильевой.

³ Ср. данные об увеличении количества интонационно выделенных слов в эмоциональной речи, приводимые А. А. Леонтьевым и Э. Л. Носенко в статье «Некоторые психолингвистические характеристики спонтанной речи в состоянии эмоционального напряжения» // Общая и прикладная психолингвистика.— М.: Изд-во АН СССР, ин-т языкоznания, 1973.— С. 92.

метно-логического содержания, о котором шла речь в предыдущем параграфе.

До сих пор мы говорили о подчеркивании коммуникативной структуры в эмоциональной речи, имеющей целью воздействовать на адресата, т. е. в эмоциональной коммуникации. Однако наблюдения показывают, что выдвижения коммуникативной структуры на передний план — общее свойство эмоциональной речи.

§ 95. ОБЪЕКТИВНЫЙ И СУБЬЕКТИВНЫЙ ПОРЯДОК СЛЕДОВАНИЯ КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ

Выше, в § 74, было указано, что порядок следования темы и ремы во фразе может быть двояким: ТР и РТ. Один из создателей учения об актуальном членении (коммуникативной структуре) предложения чешский лингвист Вилем Матезиус назвал первый объективным, поскольку он соответствует логическому ходу мысли от известного к неизвестному и ориентирован на адресата; а второй — субъективным, потому что он отражает движение субъективной мысли, не учитывающей интересы адресата¹. Общепризнаено, что субъективный порядок дает более эмоциональную фразу, чем объективный;ср.: *Les gens d'ici, je les connais par cœur. — Je les connais par cœur, les gens d'ici!*

Сказанное наводит на мысль, что эти два типа построения предложения в общем соответствуют двум типам эмоциональной речи, которые мы выделили: объективный порядок — эмоциональной коммуникации, а субъективный — эмоциональному самовыражению. Но и в том, и в другом случае коммуникативная структура выходит на передний план и изменяет форму высказывания.

§ 96. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

Коммуникативная структура выходит на передний план и начинает теснить грамматическую. Уже сильное интонационное обособление темы от ремы приводит к расчленению грамматического предложения (см. примеры в начале § 94), тема и рема приобретают относительную самостоятельность.

Особо интенсивная эмоция приводит, как было сказано выше, к выпадению строевых элементов фразы. В эмоциональной коммуникации этот процесс сдерживается заботой о собеседнике. По этой же причине в ней преобладают построения с объективным порядком компонентов. Чем эмоция сильнее, тем, очевидно, забота о собеседнике меньше. В результате построения с субъективным порядком становятся более многочисленными, а граммати-

¹ Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок.— М.: Прогресс, 1967.

ческое предложение теряет свою целостность и обособленность; в аффективной речи, даже обращенной к определенному собеседнику, выделить предложение и проанализировать его по членам предложения бывает порой невозможно:

Mais avec vous; c'est toujours la même chose. Pour s'amuser, jamais en retard, mais pour travailler, plus personne et pas plus de tête que mes sabots. Il va pourtant falloir que ça change. Regardez-moi ces deux grandes bêtes de dix ans. Ne pas pouvoir faire un problème. (Aymé)

Ясно, что точки здесь расставлены достаточно произвольно; вообще, как известно, художественная литература, изображая живую речь, всегда нормализует ее, сглаживает шероховатости. Но даже принимая такое членение этого отрывка,— как проанализировать предложение *Pour s'amuser, jamais en retard, mais pour travailler, plus personne...*? Где здесь подлежащее, где сказуемое? А каким членом какого предложения является с точки зрения нормативного синтаксиса *Ne pas pouvoir faire un problème*?

Между тем с точки зрения коммуникативной структуры все это анализируется достаточно легко: весь отрезок речи *Pour s'amuser... que mes sabots* представляет собой рему по отношению к невыраженной теме *vous*. Внутри этой «большой» ремы выделяются две «малые» темы: *pour s'amuser, pour travailler* и две «малые» ремы: *jamais en retard* и *plus personne et pas plus de tête que mes sabots*. В неэмоциональной речи это могло бы звучать так: *Vous êtes toujours prêts à vous amuser, mais lorsqu'il s'agit d'un travail, on peut difficilement vous trouver et, de plus, vous ne voulez pas faire le moindre effort de réflexion. J'en suis très fâché.*

Сопоставление того и другого варианта наглядно показывает, как коммуникативная структура оттесняет грамматическую на задний план.

Это явление, точнее, его внешнюю сторону, разрушение грамматической структуры речи, насколько нам известно, впервые описал Балли во «Французской стилистике». Он назвал его дислокацией. «В результате этого процесса [обособления элементов высказывания] синтаксическая структура фразы преображается до неузнаваемости: дислокация приводит к тому, что границы между фразами практически исчезают. Каждый из этих обособленных элементов высказывания несет свое экспрессивное ударение и отделяется от соседнего короткой паузой; каждый стремится стать самостоятельным предложением, и каждое из этих эмбриональных предложений как будто ничем не связано с другими...»¹ А. Сеше опре-

деляет такую речь как «рубленую» (*discours haché*) и пишет по этому поводу: *Quand la passion domine, elle exprime les idées toutes nues et les jette au hasard dans l'ordre où elles se présentent sans aucun souci de la syntagmatique...*¹.

Таким образом, высказанная здесь точка зрения не противоречит общепринятым взглядам, а лишь дополняет их: в аффективной речи грамматическая структура не просто разрушается, а вытесняется коммуникативной. Обособленные элементы, из которых складывается аффективная речь,— это темы и ремы, либо связанные друг с другом и следующие друг за другом в том или ином порядке (TP или PT), либо изолированные, не находящие себе пары.

С этой точки зрения пример, приведенный Е. А. Реферовской и А. К. Васильевой — *Sans blague?.. Régis, un croyant! Ce prestidigitateur, ce joueur! Madeleine, la seule déesse de son univers! Un païen! (Triplet)* — можно проанализировать следующим образом: *Sans blague?* — аффективная по своему характеру рема, относящаяся к предыдущей реплике собеседника; *Régis, un croyant!* — коммуникативно двусоставное высказывание (TP); *Ce prestidigitateur, ce joueur!* — изолированная тема, связанная с предыдущим высказыванием, т. е. подразумевающая рему предыдущего высказывания; последнее относится и к двум последующим сегментам; однако в предпоследнем (*Madeleine, la seule déesse de son univers!*) выделяется своя тема (*la seule déesse de son univers!*) и своя рема (*Madeleine*). В целом все высказывание можно рассматривать как «большую» тему при невыраженной реме; общий смысл последней — крайнее удивление.

Для сравнения сконструируем по возможности неаффективный вариант этого высказывания, где все было бы выражено эксплицитно: *Vous me dites que Régis est un croyant. Or, je sais que Régis est un prestidigitateur, un joueur et un païen qui n'adore que Madeleine. Ces qualités sont incompatibles avec la foi. C'est pourquoi je suis extrêmement surpris de ce que vous me dites.*

§ 97. ДИСЛОКАЦИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОЦЕССА ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ

Сказанное в предыдущем параграфе может навести на мысль, что в сознании говорящего сначала формируются «правильные» фразы, которые затем, под влиянием эмоции, разрушаются. Однако с точки зрения современных представлений о порождении речи все происходит как раз наоборот: типичные высказывания аффективной речи — это не разрушенные фразы, а неготовые, недостроенные предложения.

Современная наука считает, что процесс порождения речи проходит через несколько этапов; среди них выделяют, в частности,

¹ Балли Ш. Французская стилистика.— С. 356.

¹ Sechehaye A. Op. cit.— P. 133.

этап внутреннего программирования, где сознание оперирует не словами языка, а особым внутренним кодом; затем — этап лексико-грамматического развертывания, на котором мысль получает оформление в словах и грамматических конструкциях, и, наконец, этап моторной реализации, т. е. произнесения или написания¹. При этом важно, что, по мнению А. А. Леонтьева, Т. В. Ахутиной и других, коммуникативная структура (актуальное членение будущего предложения) определяется уже на этапе внутреннего программирования².

Можно предположить, что в эмоциональной речи, порождающей спонтанно, высказывание не проходит полной обработки и подается «на выход» грамматически недооформленным или оформленным «на скорую руку».

Во французском языке в неэмоциональной письменной речи тема выражается, как правило, подлежащим. Для того чтобы приводить грамматическую структуру высказывания в соответствие с коммуникативной, т. е. чтобы делать тему подлежащим, в тех случаях, когда ее смысл не укладывается в значение отдельного слова, обозначающего лицо или предмет, французский язык, как и другие языки с богатой письменной традицией, располагает рядом способов построения производных структур, некоторые из которых были описаны выше (см. § 69—71).

Допустим, что кто-то услышал или прочитал сообщение: *Jean Dupont a remporté le slalom géant à Val-d'Isère*. Это сообщение представляется ему ложным: он знает, что победил не Жан Дюпон, а Поль Дюран, и что Жан Дюпон вообще неспособен победить в такого рода соревнованиях. Предположим, что он захочет опровергнуть это сообщение. На уровне внутреннего программирования выделится, таким образом, тема — смысл воспринятого сообщения и рема — отрицание. Если высказывание пройдет полную обработку на этапе поверхностно-грамматического структурирования, в ходе которой эмоция субъекта будет хотя бы частично погашена (допустим, он сядет писать опровержение в газету), мы получим что-нибудь вроде: *La nouvelle de la victoire de Jean Dupont au slalom géant est dénuée de tout fondement: l'épreuve a été remportée par Paul Durand*. Здесь тема выражена группой подлежащего, включающей номинализованное исходное предложение (*la victoire de Jean Dupont au slalom géant* <*Jean Dupont a remporté le slalom géant*>), а рема — именной частью составного сказуемого; грамматическая структура приведена в полное соответствие с коммуникативной.

Устная, более эмоциональная реакция с менее полной грамматической обработкой выльется в такие высказывания, как *Jean Dupont n'a pas remporté le slalom géant, c'est Paul Durand*

¹ См., например: Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания.— М.: Наука, 1969; Ахутина Т. В. Цит. соч.; Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики.— М.: Изд-во МГУ, 1975.

² Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания.— С. 221; Ахутина Т. В. Цит. соч.— С. 135 (сноска).

qui a été le premier! (с сильным интонационным выделением ремы-отрицания); Il est faux que Jean Dupont a remporté le slalom géant (тоже с эмфатическим ударением на вынесенной вперед реме); Jean Dupont a remporté le slalom géant? Mais c'est faux! Или: Vous voulez rire! C'est faux! il ne l'a pas remporté, Dupont, le slalom géant! В последнем варианте грамматическая структура еще оформлена, хотя и расчленена. Но можно представить себе и такое высказывание: Jean Dupont, remporter le slalom géant? Quelle blague! Наконец, если рема — чистая эмоция, она может вообще не получить эксплицитного выражения: Jean Dupont, remporter le slalom géant???

Последнее опять-таки хорошо объясняется принципом воронки: эмоция не может быть вполне адекватно выражена словом. Она переживается субъектом как нечто сугубо личное, неповторимое, а слова языка принадлежат всем; они обозначают такие элементы совокупного человеческого опыта, которые являются общими для всех членов языкового коллектива. Поэтому, находясь во власти особенно сильной эмоции, человек нередко ощущает, что нет слова, способного выразить ее, и, назвав источник эмоций, лицо, предмет или ситуацию, вызывающую ее, т. е. сформулировав более или менее явно тему высказывания, он и не пытается сформулировать рему, единственным содержанием которой должна была бы быть сама эта эмоция. Этим объясняется невосполнимость тематических неполных предложений, о которой мы говорили в § 75.

В дополнение к сказанному полезно отметить одно частное следствие грамматической недооформленности эмоциональной речи — невыраженность логических, в первую очередь причинно-следственных связей между частями высказывания, бессоюзное подчинение и сочинение¹ (не как абсолютное правило, конечно, а как тенденция):

Laissez ma main, elle ne sait plus ce qu'elle fait. Elle n'est plus à moi, je ne l'ai jamais vue. (*Fallet*)

В высказывании с эксплицитно выраженным связями второе предложение было бы, очевидно, введено союзом с причинным значением: ... car elle ne sait plus ce qu'elle fait.

Психологическим фактором, способствующим дислокации, является несомненно то, что эмоция ослабляет внимание говорящего к собственной речи², контроль за грамматическим оформлением высказывания становится менее строгим. Это особенно характерно для чисто аффективной речи, единственная цель которой — выразить эмоцию, «излить душу»³.

¹ М. К. Морен и Н. Н. Тетеревникова пишут об этом как о свойстве разговорной речи, что не противоречит нашему толкованию: разговорная речь спонтанна и эмоциональна.

² Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте.— С. 120.

³ Предположение об ослаблении контроля за соблюдением грамматических норм языка в состоянии эмоционального напряжения высказывается и в уже

§ 98. МОДЕЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СИНТАКСИСА

В предыдущих параграфах мы рассматривали свойства эмоциональной речи и пытались дать им психологическое объяснение. Иными словами, мы рассматривали конструкции, типичные для эмоциональной речи, как психологически мотивированные.

Однако, регулярно повторяясь, они становятся моделями языка, условными знаками аффективности. Их начинают употреблять и тогда, когда они не обусловлены психологическим содержанием речи. Узуальность знака вообще приводит, как мы уже видели, к снижению его экспрессивного потенциала,— это произошло и с многими моделями эмотивных предложений. Так, например, конструкции с репризой и антиципацией в просторечии, и в частности, в детской речи употребляются постоянно и далеко не всегда сопровождаются соответствующей интонацией; характерная срединная пауза в них часто отсутствует, что выражается в графике отсутствием запятой:

Alors pourquoi papa il l'embrasse? (Marceau)

По мнению В. Г. Гака, такие предложения следует рассматривать не как расчлененные, а как плеонастические, характеризующиеся избыточным употреблением местоимения¹.

Аналогичная вещь произошла с эллиптическими именными предложениями: «La phrase nominale a pu apparaître comme la tâche caractéristique de certains écrivains: «Aujourd’hui, disait Sainte-Beuve, Michelet a le style vertical, il ne met plus de verbes». Victor Hugo en a fait souvent usage, tant en prose qu’en vers:

*J’entends des voix. Lueurs à travers ma paupière...
Cris des baigneurs... Chants des coqs...»²*

Причем если еще сравнительно недавно такие предложения употреблялись преимущественно в эмоциональных текстах (характерно, что Марузо упоминает в этой связи Гюго и Мишле), то в наше время эта конструкция широко распространилась в подъязыке средств массовой информации, даже в чисто информационных жанрах:

Dans toute la région, toits arrachés, arbres déracinés, lignes téléphoniques coupées. Les dégâts sont évalués à plusieurs millions de francs. (Humanité)

упомянутой работе А. А. Леонтьева и Э. Л. Носенко (Цит. соч.— С. 101). Вообще большинство лингвистически значимых свойств эмоциональной речи, выявленных в экспериментальных исследованиях, совпадает с теми, которые здесь описываются. См., например, кроме указанной работы: Речь и эмоции // Материалы симпозиума 11—14 ноября 1974 г.—Л.: Изд-во АН ССР, 1975.

¹ Гак В. Г. К вопросу о местоименной репризе в романских языках // Исследования в области латинского и романского языкознания.— Кишинев: Штиинца, 1961.— С. 111—113.

² Marouzeau J. Précis de stylistique française.— Р. 147.

Свою изначальную эмоциональность в значительной мере утратили и многие другие узуальные и частично фразеологизированные модели эллиптического происхождения — такие, как упомянутые в § 75 *Et dire que..., Et S qui...*, а также изолированные предложения, вводимые союзом *si* (*Si j’étais roi!*); такие, как модели сочетаний типа *Elle est d’une beauté! Il a un de ces courage!* и другие.

Фактором, который определяет степень действительной эмоциональности всех этих моделей в речи, является интонация — так мы снова приходим к выводу, который был сформулирован в начале этой главы: интонация является главным и универсальным средством эмоциональной речи.

Подведем теперь итог — перечислим те синтаксические модели французского языка, которые могут рассматриваться как потенциально аффективные:

- 1) модели предложений с восклицательными словами;
- 2) различные виды повтора;
- 3) все модели, подчеркивающие коммуникативную структуру, т. е. в первую очередь сегментированные предложения;
- 4) эллиптические конструкции различных типов — поскольку те сегменты, на которые членится речь при дислокации, с точки зрения нормативного синтаксиса представляют собой эллиптические предложения.

К перечисленным фактам эмоционального синтаксиса можно, видимо, добавить еще один, тоже обусловленный дислокацией речи, — это так называемые **парцеллированные**, или **присоединительные**, конструкции. Вспомним конец большого примера, приведенного в § 92:

[...] Tu irais en prison. En prison. Et tu passerais devant le tribunal pour mineurs. Avec la maison de redressement comme conclusion. Car tu serais condamnée. Condamnée au maximum.

Еще один пример:

Il ne me parlait pas de Lorca, mais d'une simple ferme près de Lorca. D'une ferme vivante. Et de son fermier. Et de sa fermière. (Saint-Exupéry)

По поводу таких конструкций в лингвистике ведется спор: считать ли их самостоятельными предложениями или интонационно-обособленными членами предшествующих предложений?¹ Мы видели, что чисто грамматический анализ дислоцированной речи затруднен и мало плодотворен — эта речь подчиняется в первую очередь законам коммуникативного, а не формально-грамматического синтаксиса. Так и здесь: проще всего и точнее всего будет сказать, что присоединяемые таким образом сегменты представляют собой **дополнительные ремы**.

¹ См., например: Реферовская Е. А., Васильева А. К. Цит. соч.— Ч. 2.— С. 31.

Впрочем, присоединительные конструкции не в литературе, а в общедомашнем употреблении не в меньшей степени являются показателями спонтанности речи. Но, как мы уже говорили, спонтанность и эмоциональность вообще тесно связаны друг с другом.

§ 99. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС В НЕСПОНТАННОЙ РЕЧИ

Говоря об эмоциональной речи вообще и об эмоциональном синтаксисе в частности, мы имели в виду прежде всего устную спонтанную речь. Это было оправдано, потому что формы эмоциональной речи, закрепляющиеся в языке, обусловлены процессами, имеющими место при спонтанном порождении.

Однако не следует думать, что рассмотренные выше закономерности и перечисленные модели эмоционального синтаксиса характерны только для спонтанной речи¹, а неспонтанная, в частности поэтическая, речь располагает какими-то своими, особыми средствами. Легко убедиться в том, что поэтический синтаксис использует либо без всяких изменений, либо преобразовывая, упорядочивая их, все те же «приемы» спонтанной эмоциональной речи.

Раскрываем наудачу том стихов Бодлера:

Ce voyageur ailé, comme il est gauche et veule!
Lui, naguère si beau, qu'il est comique et laid!

— два сегментированных предложения с восклицательными словами.

У него же:

Combien faut-il de fois secouer mes grelots
Et baisser ton front bas, morne caricature?

— ложный вопрос.

У Арагона:

Sur le Pont-Neuf j'ai rencontré
Sans chien sans canne sans pancarte
Pitié pour les désespérés
Devant qui la foule s'écarte

— типичная дислоцированная речь с восклицательным эллиптическим предложением в третьей и четвертой строках.

Примеры можно было бы умножить, но необходимости в этом нет — и так ясно, что все обнаруженные нами модели эмоционального синтаксиса широко используются в художественной литературе.

Важнее, может быть, подчеркнуть другое: так называемые синтаксические фигуры, принадлежащие литературно обработанной речи (анафора, эпифора, анэпифора, эпанафора, синтакси-

¹ Такая ошибка тем более вероятна, что явления эмоционального синтаксиса часто описывают как явления синтаксиса разговорной речи (см., например: Морен М. К., Тетеревникова Н. Н. Цит. соч.).

ческий параллелизм, градация)¹ в сущности представляют собой упорядоченные разновидности повтора — широко распространенного явления спонтанной аффективной речи.

Б. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

§ 100. «НЕТОЧНОЕ» СЛОВО КАК ПРИЗНАК ЭМОЦИИ

Если мы правильно определили общие свойства эмоциональной речи, то, очевидно, они должны проявляться не только в грамматике, но и в словаре. В § 88 было высказано положение, что чем речь эмоциональнее, тем более зыбким и неопределенным становится ее предметно-логическое содержание. Ясно, что это происходит в значительной степени за счет того, что многое из того, что было высказано в неэмоциональной речи, здесь вообще не формулируется. Однако следует предположить, что и употребляемая в эмоциональной речи лексика не отличается особой точностью и определенностью значения.

Это предположение в общем оправдывается, хотя и не всегда. Если мы рассмотрим с этой точки зрения примеры, приведенные выше, то обнаружим ряд слов и в особенности фразеологизмы, где предметно-логическое значение действительно довольно неопределено и во многом зависит от контекста. Среди них наибольшей неопределенностью смысла отличаются междометия (*tiens! comment, oh!*) и указательное местоимение *ça* (*Me faire ça à moi!*), затем идут бранные слова (*saloperie!*), оценочные слова и фразеологизмы (*quelle blague! si c'est pas malheureux!*); в этот список можно внести и такие выражения, как *pas plus de tête que mes sabots, sans blague, prestidigitateur, joueur* (последние два употреблены в переносном значении) и др.

Психологически это объясняется, видимо, тем, что и лексический состав речи получает неполную обработку на стадии лексико-грамматического развертывания. По мнению Т. В. Ахутиной, А. А. Леонтьева и др., опирающихся на концепцию Л. С. Выготского, на этой стадии происходит переход от личностных смыслов к языковым значениям² — из имеющихся в языке единиц данного семантического поля³ выбираются те, которые наиболее полно соответствуют личностным смыслам. Поскольку в эмоциональной речи личностный смысл аффективно окрашен, найти адекватное ему слово часто не удается (принцип воронки); в одних случаях говорящий удовлетворяется самым общим словом, не подводящим денотат под определенное понятие, а лишь указывающим на него (местоимения; междометия, обозначающие де-

¹ См.: Морен М. К., Тетеревникова Н. Н. Цит. соч.— С. 242—245.

² Ахутина Т. В. Цит. соч.— С. 46—47.

³ Семантическое поле — «совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд, слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область значений» (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов.— С. 334).

нотат-эмоцию); в других — прибегает к образному словоупотреблению (чаще всего к узуальным образам). Но и тот, и другой путь приводит к неопределенности предметно-логического содержания.

При этом следует подчеркнуть, что четкой грани между узуальными образами и междометиями нет: чем выражение употребительнее, тем слабее ощущается его образность, а само выражение превращается в клише, вполне сопоставимое по значению с междометием. Таковы, например, бранные слова, а также широко распространенные восклицательные фразеологизмы типа *La belle affaire!* ('Подумаешь!'), *C'est bien fait!* ('Поделом!'), *Elle est bien bonne!* (≈'Шутишь!'), *C'est un peu fort!* ('Ну, это уж слишком!'), *A d'autres!* (≈'Нашли дурака!'), *Pas possible!* ('Не может быть!'), *A la bonne heure!* ('В добрый час!'), *Je m'en fous!* ('Наплевать!') и т. п.

Интересно отметить, что, по-видимому, большинство выражений такого рода в речи выполняют обычно функцию ремы. Именно рема воплощает аффективную словесную реакцию, и ее-то и бывает трудно сформулировать.

§ 101. СТРЕМЛЕНИЕ К ОБРАЗНОСТИ

Эта тенденция объясняется теми же причинами. Здесь полезно вспомнить сказанное в главе IV о психологических факторах возникновения метафоры и других образных средств (§ 59), а также то, что мы писали в главе III о семантически мотивированной экспрессивности (§ 50). Повседневная эмоциональная речь в общем редко создает оригинальные образы, предпочитая пользоваться готовыми — как цельнооформленными словами в переносных значениях, так и образными фразеологизмами (см. примеры в § 50). Французский язык предоставляет говорящему богатый выбор и тех, и других.

С точки зрения эмоциональной окраски все потенциально экспрессивные лексические единицы могут быть разделены на два класса:

1) выражения, чье стилистическое значение не содержит явно оценочного компонента. Таково, в частности, большинство образных глагольных фразеологизмов, а также многие узуальные сравнения:

taper dans l'œil, sonner les cloches, marcher sur les pieds, avoir d'autres chats à fouetter, se mettre sur son trente et un, faire des gorges chaudes, donner du fil à retordre, donner sa langue aux chats, croquer le marmot, rouler sa bosse, tirer le diable par la queue и т. д.;

fort comme un Turc, blanc comme neige, dur comme pierre, libre comme l'air, pâle comme un mort, simple comme bonjour, nu comme un ver, maigre comme un clou, fumer comme un sapeur, jurer comme un païen, se porter comme le Pont-Neuf, malheureux comme les pierres (d'égout) и т. д. и т. п.;

2) образные выражения, содержащие в своем стилистическом значении оценочный компонент:

âne, cochon, tortue, rosse ('dur et injuste'), vache, poulet ('policier'), matou, oiseau ('individu'), pètesec ('personne autoritaire au ton hargneux et cassant'), lardon ('enfant'), chiard ('enfant'), morveux, crever, gueule, gueuler, emmerder, crampon ('personne importune et tenace'), collant ('ennuyeux, dont on ne peut se débarrasser');

clouer le bec, mettre les pieds dans le plat, jeter de la poudre aux yeux, bourrer le crâne, casser les pieds ('importuner'), avoir la trouille, tirer au flanc, tire-au-flanc ('qui cherche à se défilter, à échapper aux travaux,' etc.), saintenitouche, mal de chien, bête à pleurer, bête comme chou, sourd comme un pot, soûl comme un Polonais, laid comme les sept péchés capitaux, long à crever и т. п.

Приведем несколько примеров употребления этих выражений в эмоциональной речи.

Va jouer ailleurs, morveux! (Lanoux)

Je connais des gens qui peuvent vous sonner les cloches.

J'irai les trouver! (Fréville)

Faudra-t-il que tout Verrières fasse des gorges chaudes sur ma débonnaireté? (Stendhal)

On se donne un mal de chien pour aller tous au même endroit: dans le trou! (Jonesco)

Vous allez voir comme c'est bête. Bête comme chou! (Sartre)

Ils ne méritent pas de pitié, aucun, mais qu'est-ce qu'on y peut, s'ils sont bêtes à pleurer? (Wurmser)

Ce qu'elle peut être collante! (Beauvoir)

Tends ta gueule à la récré! (распространенное выражение школьного жаргона).

Все подобные выражения, в силу своей остаточной образности и обусловленной ею экспрессивности, представляются говорящему более сильными, энергичными, чем простые, немотивированные слова, выражающие те же понятия. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить любое из выражений, приведенных в нашем списке, с его словарным толкованием; это хорошо видно также на примере узуальных сравнений, которые выступают как чистые интенсификаторы, но не абстрактные, как наречия интенсивности (*très, extrêmement* и т. п.), а сохраняющие какую-то конкретность. Эти свойства языковых образов и делают их более пригодными для выражения эмоций, чем абстрактные знаки.

Следует отметить еще одно свойство такого рода выражений. Читатель несомненно почувствовал, что многие из тех, что приведены выше, фамильярны или просторечны. Это не случайно — ведь фамильярная речь может быть определена как речь, протекающая в непринужденной обстановке, не ограничивающей свободу выражения, в том числе и свободу выражения эмоций и оценок. Широкое распространение эмоционально-окрашенных

языковых образов в фамильярной речи, просторечии и арго приводит к тому, что они частично теряют свою экспрессивность и начинают употребляться и в самых обычных, относительно нейтральных ситуациях.

§ 102. ТЕНДЕНЦИЯ К ПРЕУВЕЛИЧЕНИЮ

Эта тенденция заключается в том, что под влиянием эмоции человек часто употребляет выражения, не адекватные денотатам, т. е., попросту говоря, преувеличивает то, что поддается преувеличению — количество, размеры, интенсивность. Именно это имеет в виду поговорка «У страха глаза велики». Балли рассматривал эту тенденцию как наиболее характерную для разговорного языка. «Субъективное начало,— писал он,— постоянно стремится довести выражение до крайних пределов интенсивности [...], под влиянием индивидуальных чувств сознание говорящего стремится к преувеличению в выражении мысли; такая гиперболизация имеет чисто субъективное происхождение и отчетливо аффективный характер»¹. Далее Балли отмечает, что преувеличение, свойственное эмоциональной речи, «не избегает нелепостей», и иллюстрирует это такими примерами:

Il fait le plus beau temps du monde; On ne peut rien imaginer de plus laid; On étouffe ici; Je veux bien être pendu si j'y comprends quelque chose; dormir à poings fermés, dormir sur les deux oreilles; ne pas souffler mot; On n'y voit goutte; Il n'y a pas âme qui vive² и т. п.

Как из определения, так и из примеров можно сделать вывод, что тенденция к преувеличению — это, в сущности, частное проявление того, что мы назвали выше стремлением к образности. Многие из примеров, приведенных в предыдущем параграфе, могли бы быть повторены и в этом; гипербола — тоже образ, отличающийся от метафоры и сравнения только тем, что приписывает теме не качественные, а количественные признаки.

Однако в отличие от образных фразеологизмов, которые являются потенциально экспрессивными и эмоциональными как единицы языка, многие гиперболические употребления могут быть выявлены только в речи; иначе говоря, их экспрессивность и эмоциональность возникают только как контекстуальное стилистическое значение и целиком зависят от степени несоответствия выражения денотату:

Etoile de la mer, voici la lourde nappe,
Et la profonde houle, et l'océan des blés...
(Péguy)

¹ Балли Ш. Французская стилистика.— С. 336; см. также: Marouzeau J. Aspects du français.— Р. 11-12; Он же. Précis de stylistique française.— Р. 98-99; Скребнев Ю. М. Цит. соч.— С. 122; аналогичные наблюдения делались и психолингвистами (см.: Леонтьев А. А., Носенко Э. Л. Цит. соч.— С. 93).

² Балли Ш. Французская стилистика.— С. 337—339.

On m'a volé, trahi, perdu, déshérité, abandonné, assassiné! (Hugo)

Теперь становится понятно, почему в § 66, обсуждая различные варианты фразы N s'est transformé (N a beaucoup changé; N n'est plus le même; N est devenu méconnaissable; N, on ne le reconnaît plus; N a fait peau neuve и др.), мы написали, что эмоциональная окраска каждого из этих выражений зависит от того, насколько в самом деле изменился N: чем меньше он изменился, тем гиперболичнее и, следовательно, тем эмоциональнее большинство вариантов.

Тенденция к преувеличению, как и тенденция к образности вообще, теснейшим образом связана с тенденцией к «неточному» слову, с которой мы начали этот раздел: «интенсивность эмоции вообще всегда затмяет и отодвигает на задний план оттенки смысла; чем выше интенсивность выражения, тем неопределеннее его логический смысл»¹.

§ 103. ДЕВАЛЬВАЦИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ И ОБНОВЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СЛОВАРЯ

О девальвации экспрессивности мы говорили уже неоднократно.

Балли об этом пишет так: «Однако обороты, содержащие гиперболу, быстро стираются, теряют свою экспрессию... В результате разговорный язык вынужден непрерывно усиливать существующие выражения и создавать новые — получается своего рода бег на месте»². Балли иллюстрирует это положение историей французских отрицательных частиц rien, pas, point, которые когда-то были интенсивными гиперболическими выражениями. Не менее показательны примеры, приводимые Марузо, в частности серия интенсифицирующих наречий, синонимов très — tout à fait, grandement, extrêmement, excessivement, énormément, а также просторечные rudement, follement, salement, bouglement — и последовательно сменявшие друг друга фамильярные выражения, обозначающие высшую степень положительной оценки: chic, bath, urf, palace, pérèr³.

Дополним последний ряд более новыми наблюдениями: «Molière disait: J'ai conçu pour vous une estime incroyable. Nous avons connu effroyable. Chic (1832) a été suivi de chouette, bath, urf. Dans ma jeunesse, épatait était pourchassé par les personnes austères, mais on a connu épastrowillant. Chez mes petits-fils, j'ai vu apparaître féodal. Je n'en finirais pas pour énumérer tout... Je risque une petite liste: formidable (qui s'abrége en formid), sensationnel (sensas), impeccable (impec), terrible, génial, dément, extra; je m'en voudrais de ne pas mentionner astap, trouvé dans un

¹ Балли Ш. Французская стилистика.— С. 338.

² Там же.— с. 338—339.

³ Marouzeau J. Précis de stylistique française.— Р. 99.

roman d'Hélène Parmelin, qui s'explique dans: «A se taper le derrière par terre»¹.

За годы, прошедшие со времени этих наблюдений, список пополнился такими выражениями, как *superchouette*, *classe*, *super*, *pied...* Было зарегистрировано в этом значении и прилагательное *vache* (*upe vache nana*, *un vache cadeau*), которое ранее было известно лексикографам только как слово, несущее отрицательную оценку². Интересно будет вернуться к этому списку еще лет через десять...

§ 104. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Выше, в § 41, мы приняли положение, согласно которому эмоционально-оценочный компонент стилистического значения иерархически подчинен эмоциональному; это значит, что любая языковая единица может быть определена прежде всего как потенциально эмоциональная, а уже потом — как носитель положительной или отрицательной оценки, если присущая ей эмоциональность поддается такой классификации. В этой главе мы до сих пор говорили об эмоциональности вообще — главным образом о том, как она проявляется в речи, и безотносительно к ее оценочному значению. Теперь пришло время разобраться в эмоционально-оценочной окраске и, в частности, выяснить, каким единицам языка она свойственна в качестве компонента их языкового стилистического значения.

Выше, в главе III, была высказана мысль, что определенная оценочная окраска присуща только лексике и фразеологии. Этот вывод был сделан на основе анализа взаимозаменяемости глаголов, входящих в синонимический ряд *tourgir*, *décéder* и т. д. Однако обращение к более обширному языковому материалу, в частности, к существительным и прилагательным, выявляет некоторые теоретические трудности, связанные с самим статусом стилистического значения и его компонентов.

Одна из проблем заключается в следующем: можно ли считать, что оценочный компонент, входящий в словарное определение существительного (например, «кляча» — плохая, замореная лошадь, «дылда» — нескладный человек слишком высокого роста, *palabre* — *discussion interminable et oiseuse*, *ukase* — *décision arbitraire, ordre impératif*), представляет собой часть стилистического, т. е. коннотативного значения соответствующего слова? Или же правильнее было бы рассматривать его как компонент лексического значения?

Вопрос этот, видимо, не поддается однозначному решению. Здесь можно рассуждать так. Основная, принципиальная разница

между лексическим и стилистическим значением заключается в том, что первое несет информацию о референте, а второе — о субъекте речи и вообще о пространстве коммуникации. Но оценка вообще — категория двойственная, объективно-субъективная¹. «Субъективный компонент,— пишет об этом Е. М. Вольф,— предполагает положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к ее объекту (иногда его представляют в виде отношений «нравиться / не нравиться», «ценить / не ценить», «одобрять / не одобrirь» и т. п.), в то время как объективный (дескриптивный, признаковый) компонент оценки ориентируется на собственные свойства предметов или явлений, на основе которых выносится оценка».² Это значит, что высказывание «На кляче тощей и косматой Сидит форейтор бородатый» (Пушкин) одновременно несет информацию о субъекте речи (о том, что лошадь, на которой сидит «форейтор бородатый», объективно плохая, т. е. не соответствующая общепринятым нормам). При этом пропорция субъективной и объективной оценки может меняться в очень широких пределах — во всех подобных случаях, как правило, возможна ответная реакция типа: «Никакая это не кляча, а вполне приличная лошадь», т. е. возможен спор об оценках³.

Но совершенно так же можно было бы рассуждать и по поводу высказывания, где оценка выражена «прямым» оценочным словом: фраза «X написал хороший роман» несет информацию и о субъекте речи (что роман ему нравится) и о романе X-а. Исходя из этого, отрицательную оценку, содержащуюся в словах типа «дылда», «кляча», *palabre*, *ukase*, казалось бы, следует рассматривать как компонент их лексического значения.

Но положение существенно меняется, когда мы переходим к глаголам, в частности, таким, как «психовать», «выпендриваться», «околачиваться», *grogner*, *déconner* ('болтать глупости'), *la boucler* (= заткнуться), *aller se faire voir ailleurs* (= убраться, выкатиться) и т. п., где отрицательная оценка относится не только к действию, сколько к его субъекту⁴, в силу чего ее уже нельзя рассматривать как объективную, несущую информацию о референте: ясно, что высказывание *Il l'a bouclée* нельзя истолковать как * Он плохо замолчал; употребление этого глагола (а не нейтрального *se taire*) свидетельствует только о субъективном отношении адресанта к человеку, о котором идет речь. Следовательно, оценочный компонент таких лексем логично отнести уже не к лексическому, а к стилистическому значению слова.

В целом мы примем по этому поводу компромиссное решение: признаем, что в принципе эмоционально-оценочная окраска слов представляет собой переходную зону, принадлежащую одновременно лексическому и стилистическому значению, лексикологии и стилистике. Однако стилистике она подведомственна, пожалуй,

¹ Cohen M. Regards sur la langue française. Misère des vocabulistes // Humanité.— 1970.— 9 nov.

² См. об этом: Хованская З. И. Цит. соч.— С. 241; там же заимствованы примеры.

¹ См.: Вольф Е. М. Цит. соч.— С. 22 и след.

² Там же.— С. 22—23.

³ Там же.— С. 22.

⁴ См.: Падучева Е. В. Цит. соч.— С. 141.

все-таки больше, чем лексикологии: ведь во всех подобных случаях, независимо от принадлежности слова к той или иной части речи, оценочный компонент выступает как явно эмоциональный по сравнению с аналитической оценкой: «кляча» эмоциональнее и экспрессивнее, чем «плохая, замореная лошадь», а *bâfrer* — чем *tanger gloutonnement et avec excès*. Эмоциональность же — явно стилистическая категория; с другой стороны, эмоциональная оценка — оценка в первую очередь субъективная¹, несущая информацию об адресанте, а не о референте. Наконец, надо учитывать и лингвистическую традицию, согласно которой эмоционально-оценочная окраска всегда проходила по ведомству стилистики.

И последнее: даже если мы здесь вторгнемся ненароком в область лексической семантики, большой беды от этого не будет. Ведь при всех условиях тот факт, что адресант говорит *palabre*, а не *parole*, «дылда», а не «человек высокого роста» является коннотативно значимым.

§ 105. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И ЯДРО ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Однако сами единицы плана содержания, т. е. обозначаемые словами понятия, как конкретные, так и абстрактные, могут предполагать к той или иной оценке, выступать как «хорошие», положительные или «плохие», отрицательные, с точки зрения человека вообще или (чаще) с точки зрения данной культуры и принятой в ней шкалы ценностей². Таковы, например, с одной стороны, *чистота, ум, красота, верность, образованность, здоровье, храбрость* и т. д., а с другой — *грязь, глупость, уродство, предательство, необразованность, болезнь, трусость*. Кроме того в любом языке есть множество слов, все содержание которых сводится к оценке: *хороший, плохой, талантливый, бездарный, удачный, неудачный* и т. д. К ним примыкают глаголы, обозначающие оценочные отношения: *любить, не любить, ненавидеть, нравиться, не нравиться, ценить, презирать* и т. п.

Что же происходит при употреблении в речи таких явно оценочных слов? Можно ли считать, что, наряду со своим оценочным лексическим значением, они несут соответствующую эмоционально-оценочную стилистическую окраску? И если да, то обладают ли они такой окраской как единицы языка?

Само по себе употребление эксплицитно оценочного слова еще не свидетельствует о том, что высказывание выражает личноэмоциональное отношение говорящего к референту. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, субъектом оценки может быть не сам адресант, а кто-то другой — адресат, «третье лицо» или

«общее мнение»¹. Говоря *Pierre n'aime pas les fraises* или *Paul passe pour un bon élève*, субъект речи вообще не высказывает никакой оценки, а просто констатирует факт (или то, что он считает фактом). Во-вторых, и в том случае, когда оценка высказывается адресантом от своего имени, она может быть не эмоциональной, а рациональной; более того, прямое оценочное слово как раз не очень характерно для акта эмоциональной оценки (ср. выше, § 89): фразы *Je n'aime pas les fraises* и *Paul est un bon élève*, произнесенные со «спокойной», неэмфатической интонацией, живую личностную эмоцию не выражают.

Высказывание, содержащее слово с эксплицитно оценочной семантикой, является подлинно эмоциональным только в том случае, если оно характеризуется признаками, вообще типичными для эмоциональной речи: эмфатической интонацией, особой синтаксической структурой (см. выше, § 89—98), наличием слов-интенсификаторов, лексической гиперболизацией: *Paul est complètement stupide!* — *Paul est un imbécile!* — *C'est un imbécile, votre Paul!* — *Non, mais quel idiot!* и т. п. Из этого следует, что на уровне языка общеупотребительные лексемы, выражающие оценку ядром своего лексического значения, стилистической эмоционально-оценочной окраски, как правило, лишены (если не считать нескольких образных фразеологизмов — см. выше, § 101, и слов, выражающих очень высокую степень оценки: *гениальный, негодяй, salaud, fumier, ordure* и т. п.). Они могут приобрести эмоциональную окраску только в речи.

Наша трактовка стилистического значения оценочных слов объясняет и тот факт, что эти слова не образуют синонимических рядов, члены которых различались бы эмоционально-оценочным компонентом стилистического значения, — для них характерны ряды, члены которых различаются интенсивностью лексического значения, выражающего оценку (а также в ряде случаев социально-жанровым компонентом стилистического значения).

Именно такие ряды необходимы для обеспечения эмоциональной коммуникации, тогда как ряды первого типа здесь не нужны, а зачастую логически невозможны; можно ли вообразить себе слово, которое узуально обозначало бы понятие «хороший» с отрицательной эмоциональной окраской? Если же в речи порой и возникает нужда в такого рода «семантических монстрах», то ее всегда можно удовлетворить посредством интоационного переосмыслиния оценки.

Впрочем, одна оговорка к сказанному необходима: подчеркнуто нейтральные синонимы оценочных слов и слов, выражающих «отрицательные» понятия, нередко существуют в языке: ср. *tauvais — négatif; laideur — malformation; crétin — handicapé temp-tal; saleté, crasse — absence d'hygiène* и т. п. Они нужны для тех жанров и социальных ситуаций, в которых даже намек на эмоци-

¹ См.: Вольф Е. М. Цит. соч.— С. 40.

² См. об этом: Звегинцев В. А. Экспрессивно-эмоциональные элементы и значение слова // Вестник МГУ, 1955.— Вып. 1.— С. 77—78.

¹ См.: Вольф Е. М. Цит. соч.— С. 69.

нальную оценку неуместен. Эти выражения, как правило, имеют книжный характер и в тех случаях, когда они обозначают «отрицательное» понятие, являются эвфемизмами.

§ 106. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ, РАЗЛИЧАЮЩИЕСЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ОКРАСКОЙ

Такие синонимы возникают обычно для номинации «нейтральных» понятий — таких, отношение к которым в данном обществе не кодифицировано и которые сами не являются оценочными. Очевидно, что тут равно возможны три основных типа отношения субъекта к предмету речи: нейтральное, положительное и отрицательное. Именно в силу этого создаются предпосылки для возникновения эмоционально-оценочной синонимии, т. е. таких синонимических рядов, члены которых отличаются друг от друга эмоционально-оценочным компонентом стилистического значения.

Итак, такие синонимы возникают обычно для номинации «нейтральных» понятий. Однако не следует думать, что каждое нейтральное понятие может быть выражено минимум тремя различными выражениями — нейтральным, мелиоративным (лаудативным) и пежоративным (депрециативным). Как пишет Балли, «чаще всего имеется нейтральный член, противостоящий одному из крайних, или же два крайних члена, противостоящих друг другу»¹.

С точки зрения структуры означающего такие синонимы могут быть однокорневыми, различающимися только морфологически, и словами разных корней. О первых мы уже говорили в § 81; там же приведены необходимые примеры. Добавим только к сказанному, что модели суффиксального образования, дающие эмоционально окрашенные синонимы, действуют достаточно нерегулярно: соответствующий суффикс можно прибавить далеко не ко всякому слову данного грамматического класса, а наличие суффикса далеко не всегда свидетельствует о том, что слово несет соответствующую стилистическую окраску: если *chauffard* — это плохой шофер, шофер-лихач, *politocard* — плохой, недостойный политик, *philosophard* — плохой философ, то *billard* — это просто биллиард, *canard* — просто селезень, а *brancard* — носилки.

Чтобы восполнить лакуны суффиксального образования, эмоциональная речь нередко прибегает к прилагательным; некоторые из них, в частности *petit* и в меньшей степени *rauuge*, стали, особенно в некоторых распространенных сочетаниях, своего рода аналитическими морфемами: *petite maman* ‘мамочка’, *petit papa* ‘папочка’, *petite maison* ‘домик’.

Приведем теперь примеры разнокорневых синонимов, различающихся эмоционально-оценочным компонентом.

¹ Балли Ш. Французская стилистика.— С. 209.

Мелиоративные Нейтральные Пежоративные

Существительные		
—	affirmation	allégation ¹
—	agent secret, ~ de renseignement	espion ¹
chant	chanson	goualante
—	compagnon	acolyte
—	décret	ukase ¹
économie	employé de maison	avarice ²
serviteur	famille	valet, laquais, larbin
—	générosité	tribu, couvée
—	pléiade	prodigalité ²
—	volume	clique
—	—	bouquin ³
piété	paroles, propos	agissements, machinations
—	plan	palabres
—	public	bigoterie ²
labeur	travail	complot ¹
—	visage, figure	galerie
—	—	corvée
—	—	trogne, mufle, gueule

Глаголы		
créer	faire	fabriquer
(se) revêtir	(s') habiller	(s') accoutrer,
s'unir	se lier	(s') affubler
déguster	manger	s'aboucher
—	manœuvrer	bâfrer
œuvrer	parler	manigancer
—	travailler	palabrer
—	—	trimer

Стилистические значения всех слов, вошедших в этот список (за исключением примеров, заимствованных у других авторов), были проверены согласно методике, описанной в главе III (§ 33),

¹ Примеры из книги: *Daninos P. Le Jacassin*.

² Примеры Балли.

³ Пример Марзо.

т. е. по типичным контекстам. Так, скажем, для (*se*) *revêtir* типичны такие контексты, как *Le prêtre revêtit sa chasuble* (*Dictionnaire Bordas*); для *affubler* — *Elle affublait sa fille de robes démodées* (*Dictionnaire Bordas*). Ср. также: *une clique de politiciens végeux* (*Humanité*) и *une pleïade de compositeurs* (*Micro Robert*).

Нетрудно заметить, что различия между словами, фигурирующими в одних и тех же строчках, но в разных столбцах этой таблицы, не везде сводятся к эмоционально-оценочному компоненту. Так, например, *goualante, larbin, bouquin, palabres, corvée, trogne, mufle, gueule* отличаются от нейтральных синонимов не только пежоративностью, но и стилистической сниженностью, т. е. социально-жанровым компонентом. Как уже неоднократно говорилось, это общая тенденция. Но было бы неправильно противопоставлять одно другому, утверждать, как это нередко делается, что, например, *trimper* отличается от *travailler* фамильярностью, а не пежоративностью: эти синонимы различаются и тем, и другим. Эмоциональная оценочность и степень возвышенности — сниженности (нормативности — ненормативности) — это разные измерения.

Конечно, определенная связь между ними есть (недаром почти все мелиоративные синонимы в нашей таблице — слова книжные), но связь нежесткая. Об этом свидетельствует, с одной стороны, существование пежоративных слов не только нормативного, но и книжного характера (*allégation, acolyte, ukase, agissement, bigoterie* и др.), а с другой — наличие в языке стилистически сниженных слов, выражающих или способных выразить положительную оценку (см. приведенный выше ряд *chic, chouette, formid, sensas* и т. д.).

В некоторых случаях эмоционально-оценочный компонент непосредственно связан с интенсивностью качества, обозначаемого словом: до определенного предела качество оценивается как положительное (*économie, générosité*), тогда как избыток того же качества получает отрицательную оценку (*avarice, prodigalité*)¹.

В целом во французском языке синонимических пар или рядов, члены которых различаются только эмоционально-оценочным компонентом, сравнительно немного, даже если включить в это число синонимы однокорневые (в русском языке их значительно больше именно за счет последних — ср.: *заводишко, лампешка, подушечка, одеяльце, маслице* и т. д. и т. п.). Объясняется это, надо думать, тем, что в них нет большой нужды — выразить эмоциональную оценку всегда можно иным способом.

Что же касается слов типа *allégation, acolyte, clique, agissement, complot, manigance* и т. п., узуально выражают те же понятия, что их нейтральные синонимы, плюс отрицательная оценка, то именно в силу своей узуальности и немотивированности они плохо согласуются с тенденциями эмоциональной речи. Они,

если так можно выразиться, «слишком знаки»¹ и, как таковые, отражают не столько личное, сколько ролевое оценочное отношение к объекту — недаром такие слова чаще всего употребляются в газете. Личностная эмоциональная оценка предпочитает гиперболу, образ (пусть клишированный). Вообще личностная эмоция, как мы попытались показать в этой главе, не находит себе адекватного выражения в языковых знаках, фиксирующих элементы совокупного человеческого опыта, и в типовых конфигурациях этих знаков, с помощью которых мы делаем доступным для других содержание нашего сознания, наши личностные смыслы, соединяющие в себе образы объективной действительности и субъективные устремления. Этим, видимо, и объясняется общая закономерность, сформулированная в § 88: чем эмоциональнее сообщение, тем более зыбким и неопределенным становится его номинативное содержание. Аффективно окрашенные личностные смыслы, в которых субъективное явно преобладает над объективным, плохо поддаются переводу на язык значений. Ведь чтобы осуществить такой перевод, субъект должен возвыситься над своей эмоцией, взглянуть на содержание своей мысли глазами другого, в частности, глазами партнера по общению, объективизировать субъективное. Но доля субъективного начала в мысли слишком велика, ее не удается целиком воплотить в языковых значениях — перевод получается неполным, фрагментарным.

Отсюда малая употребительность слов, прямо называющих эмоции; отсюда синтаксическое расчленение и недооформленность грамматической структуры предложения; отсюда повторы, а также неточность словоупотребления, гиперболизация, вообще стремление к образности, и быстрая девальвация аффективного словаря. Этим объясняется и особая роль интонации в эмоциональной речи: конечно, типовой интонационный рисунок фразы, в том числе и аффективной, — это тоже языковой знак, но знак особого рода, гораздо более субъективный и непосредственно связанный с личностным смыслом, чем слово, грамматическая форма или синтаксическая конструкция. Это подтверждается тем, что интонационные рисунки высказываний аффективной речи воспроизводятся со значительными индивидуальными вариациями, которые мы не столько понимаем, сколько чувствуем, но не можем адекватно описать и интерпретировать словами.

Личностная эмоция стремится преодолеть знаковость языка. Этим и объясняются все основные свойства эмоциональной речи.

¹ Ср. аналогичные примеры во «Французской стилистике» Ю. С. Степанова (с. 109).